

Д.В. С е н ь , Н.И. Ш в а й б а

«ЧТОБ ДЕ К НАМ ТОТ БАКТЫ-ГИРЕЙ С НЕКРАСОВЫМ
ПОБЛИЖЕ ПРИШЛИ, ТО БЫ ДЕ НАМ ДОБРЕ БЫЛО»:
случай из истории казачьей старшины Гетманской Украины 1720-х гг.*

Среди документов фонда 796 РГИА в Санкт-Петербурге нами выявлен комплекс документов, освещающих малоизвестный эпизод из жизни представителей украинской казачьей старшины середины 20-х годов XVIII в. Первоначально документы привлекли наше внимание в связи с именами кубанского султана Бахты-Гирея, сына крымского хана Девлет-Гирея II, и казачьего атамана И. Некрасова¹, оставивших заметный след в военно-политической истории России и Крымского ханства. Информационный потенциал выявленных источников оказался богаче: он связан с историей украинского казачества и внешней политики России, с историей трансграничных связей казачьих сообществ (Войск), с политической культурой казачьих элит Гетманщины и характеристикой их положения в Петровскую и постпетровскую эпоху.

Последняя проблема находит сегодня полярные оценки в современных российской и украинской национальных историографиях, не говоря о диаметральнойности имеющихся в них взглядов по отношению к так называемому «мазепинскому периоду» в истории Украины². Для комплексного изучения и осмысления истории российско-украинских отношений первой трети XVIII в. особенно актуальны такие исследовательские проблемы, как взаимоотношения российского правительства и гетманской старшины (включая их неформальные связи)³, социальная мимикрия старшины в постпетровскую эпоху, ее политические установки, поведенческие «сценарии» по отношению к российскому руководству и к отдельным «сильным» фигурам, формы лояльности к власти и явного/скрытого сопротивления ей со стороны казачьих элит. Особый научный интерес представляет изучение политических практик представителей так называемой «династий изменников» (впрочем, как и других старшинских родов) в постмазепинский период истории Гетманщины, а также преемственности политического выбора и ориентации *разных* поколений таких казачьих фамилий — соратников гетмана И.С. Мазепы, их детей и внуков⁴.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Актуален также следующий исследовательский ракурс — реконструкция смыслового значения фраз, приписываемых главным участникам конкретного случая, повлекших за собой донос и расследование. Частное мнение казаков может отражать более общие процессы в казачьей среде Гетманщины, не всегда «доступные» сторонним наблюдателям, включая представителей российской администрации на Украине. Подход, согласно которому анализ индивидуального текста (даже одной фразы) может быть применен при реконструкции массовых социальных представлений, успешно применяется при решении схожих исследовательских задач, принося свои научные результаты⁵. Наконец, актуальность исследования связана с ролью и местом доносительства (включая такой аспект темы, как мотивация/мотивации доносителей) в истории политического сыска в России — явления, характерного для петровского времени. Как указывает Е.В. Анисимов, с изветов (доносов) начиналось 99,9 % всех политических дел в России XVIII в.⁶ Доносы, являясь распространенной социальной практикой того времени, всегда означали начало политического розыска и формирования соответствующего дела.

Отправным документом в истории нашего случая, спровоцировавшим появление соответствующего документального комплекса середины – второй половины 20-х годов XVIII в. стал извет (донос) Серапиона, монаха Мигулинского мужского Троицкого монастыря, на представителей гетманской старшины — Андрея Дмитриевича Горленко и Семена Ефимовича Лизогуба. Насколько известно, указанный сюжет не получил подробного освещения ни в российской, ни в украинской историографии, несмотря на большое количество исследований по истории Гетманщины XVIII в. и по истории казачьих старшинских родов. Фамилии Горленко и Лизогубов занимают среди них свое видное место. В содержательном очерке А. Лазаревского «Люди старой Малороссии. Лизогубы»⁷ нет ни одного упоминания о событиях, связанных с изветом на С.Е. Лизогуба в 1725 г. В обстоятельном труде современного украинского автора С.О. Павленко этот факт биографии С.Е. Лизогуба отсутствует⁸. *Известие* о доносе на С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко и об их последующем аресте, впрочем, известно давно: оно отразилось и в украинских казачьих летописях, и в трудах ученых XIX в. В «Краткой истории Малороссии» сказано, что С.Е. Лизогуба «с Андреем Горленком из пути («в Гилянский поход за Дербень». — *Д.С., Н.Ш.*) по плутовскому некоторого чернца Змеевского доношению взято было в Петербург, но вскоре до домов отпущено»⁹. Правда, летопись называет наказным казачьим гетманом, возглавившим казаков в указанном походе, не С.Е. Лизогуба, а М.Г. Ограновича. Полагаем, издатель ошибочно посчитал именное прилагательное «змеевский» фамилией чернца-доносчика. Как мы убедимся позже, источники не дают для этого оснований. Д.Н. Бантыш-Каменский в труде «История Малой России» писал, что вскоре после начала Гилянского похода «Лизогуб и Горленко были потребованы в Петербург по ложному на них доносу одного монаха и потом отпущены в Персию, где несколько лет находились (здесь историк ошибался. — *Д.С., Н.Ш.*) с предводимым ими отрядом под главным начальством Кандибы, бывшего полковника Корсунского»¹⁰. Казачьими предводителями похода Н.Д. Бантыш-Каменский считал бунчуковых товарищей — С.Е. Лизогуба, А.Д. Горленко и обозного Прилуцкого полка М.Г. Ограновича. Наконец, лапидарное описание документов по делу об извете Серапиона, отложившихся в архиве Синода, содержится в «Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода»¹¹.

Применительно к теме исследования коснемся проблемы *умолчания источника* — в Лизогубовском летописце история с арестом С.Е. Лизогуба и его товарища красноречиво опущена. В одной из записей за 1725 г. лишь сказано, что «тогож году бунчуковые товариство в Кгилян командированы и с ними 20000 козаков с Семеном Лизогубом; и в том походе

бавылись бунчуковые до трех год и иние до пяти, акции з горскими черкесами отправуючи; в яком походе Антоний Андреевич Лизогуб, бунчуковый товарищ, умер и погребен в Астрахани епископом Леницким»¹². Таким образом, вывод В.Б. Антоновича о «мелочных подробностях» в передаче летописцем *всех* сведений о деяниях «лиц, принадлежащих к фамилии Лизогубов»¹³, не во всем находит свое подтверждение.

Важные сведения, имеющие отношение к заявленной теме, содержатся в дневнике современника событий — генерального подскарбия Я. Марковича. Один из вопросов, связанных с источниковедческой критикой дневника, связан с разночтениями в его двух опубликованных изданиях — А. Марковича (1859 г.)¹⁴ и А. Лазаревского (1892 г.; в данном случае речь о годе издания интересующей нас части дневника). Первое из изданий содержит в себе многочисленные сокращения (выпуски) текста публикуемой рукописи Я. Марковича, что необходимо учитывать при работе с данным источником. При сравнении интересующих нас текстовых фрагментов каждого из изданий особых разночтений не обнаружилось, но выяснилось другое: публикуя дневник, А. Маркович выпустил целый день — 23 июля 1725 г., описанный у А. Лазаревского и сообщающий интересные детали содержания под арестом главных участников анализируемой истории. А.Д. Горленко, например, имел возможность перемещаться по табору, общаться и принимать разнообразную пищу¹⁵. Похожая информация о времяпрепровождении того же А.Д. Горленко пропущена А. Марковичем при воспроизведении текста рукописи за 24 июля, зато она имеется в публикации А. Лазаревского¹⁶.

События, которые привели к извету монаха Серапиона на бунчуковых товарищей, связаны с участием украинских казаков в Сулакско-Гилянском (Гилянском) походе российских войск, начавшемся в 1725 г. Российские власти задействовали тогда 2 тыс. украинских, слободских и гетманских казаков под командованием М.Г. Ограновича, С.Е. Лизогуба и А.Ф. Кандыбы. Поход был предпринят с целью укрепления России на Северо-Восточном Кавказе и подавления недовольства со стороны кавказских владетелей, в том числе шамхала Тарковско-го¹⁷. Кратко описывая сюжет с участием в походе украинских казаков, И.В. Курукин пишет, что в 1725 г. «степью на Царицын и Астрахань шли три тысячи слободских и "бунчуковых" казаков под командой Семена Лизогуба»¹⁸. Итоги похода носили противоречивый характер. В ноябре того же года понадобилась новая экспедиция против местных «бунтовщиков», участие в которой снова приняли украинские казаки. Как отмечают исследователи, изначально казаки собирались в поход неохотно, прибегая к разным ухищрениям, направленным на уклонение от участия в грядущей кампании¹⁹. Казачьему войску определено было идти к Царицыну и поступить под команду полковника Нарвского полка Д.Ф. Еропкина.

Путь казачьего войска, выступившего в поход в мае 1725 г., проходил и через территорию Войска Донского. Именно здесь в июле 1725 г. произошло примечательное событие — под караул были взяты наказный гетман С.Е. Лизогуб и бунчуковый товарищ А.Д. Горленко. Случай нашел отражение на страницах дневника генерального подскарбия Я. Марковича, о котором писалось выше: «Семен Лизогуб и Андрей Горленко за караул взятии по доношению ченця неякогось монастыра Мигулинского (Мигулинского мужского Троицкого монастыря. — *Д.С., Н.Ш.*)»²⁰. По сути, этими словами описание случая исчерпано — автор дневника не собирался (не хотел?) останавливаться на деталях происшествия или же они были ему неизвестны. Обращает на себя внимание авторская манера подачи материала — буднично констатируется задержание *наказного казачьего гетмана*, которое в сложных условиях похода на Северо-Восточный Кавказ сомнительно считать рядовым событием. Среди других событий 22 июля 1725 г., удостоившихся внимания автора и отразившихся в дневнике, — приезд в Царицын бригадира А. Ветерания (Ветерани) и наказание за упрямство некоего «хлопца Вежевского», дважды наказанного в тот день за упрямство²¹.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

В более обстоятельной публикации дневника Я. Марковича в редакции А. Лазаревского (1892), нежели в публикации А. Марковича (1859), находим любопытные детали, связанные с *режимом* пребывания казаков под караулом, отличавшимся возможностью их перемещения, общения с другими казаками и даже приема пищи в подходящей компании²². Такое вопиющее нарушение режима содержания арестантов продолжалось несколько дней: «Так же и с Горленком у нашей квартире, до которого много товариства приехало, а то для того, что они завтра меют быть отосланы в Ахтирку до князя Голецина (речь идет о генерал-фельдмаршале и "командующем над Украинским корпусом" М.М. Голицыне, пребывавшем в Ахтырке — полковом центре Слобожанщины. — *Д.С., Н.Ш.*)»²³. В дневнике Я. Марковича взятие казаков под караул датировано 22 июля 1725 г., а их отправка к бригадиру А. Ветеранию 25 июля того же года: «Семен Лизогуб и Андрей Горленко попроважены отсюда за караулом до лагеру, к брегадиру Ветеранину, а оттуду в Ахтирку, до его сиятельства князя Голецина»²⁴.

На личностях Семена Ефимовича Лизогуба и Андрея Дмитриевича Горленко остановимся подробнее. Это необходимо для того, чтобы лучше представить их органическую связь с той социокультурной средой, выходцами из которой они являлись. Включив биографии гетманцев в контекст политической культуры украинского казачества и его непростых отношений с самодержавием, мы получаем дополнительные исследовательские возможности для анализа разбираемого случая и для ответа на важный вопрос: могли ли С.Е. Лизогуб и А.Д. Горленко в *действительности произнести слова*, якобы услышанные иеромонахом Серапионом?

Старинный старшинский род Лизогубов неслучайно был причислен к династиям «изменников» наряду с фамилиями Миновичей, Гамалиев, Герциков, Максимовичей и Дорошенко²⁵. Основанием для такого причисления стала позиция многих старшинских родов в связи с переходом гетмана И.С. Мазепы в стан шведского короля Карла XII, случившегося в октябре 1708 г. Родителями С.Е. Лизогуба были Е.Я. Лизогуб, генеральный хорунжий (1688–1698), впоследствии черниговский полковник, и Л.П. Дорошенко, дочь гетмана П.Д. Дорошенко. Дедом С.Е. Лизогуба по мужской линии являлся Я.К. Лизогуб, наказный казачий гетман во время 2-го Азовского похода, которому благоволил гетман И.С. Мазепа. Выходец из старинного старшинского рода, сын черниговского полковника, воспитанник Киево-Могилянской академии, бунчуковый товарищ Черниговского полка С.Е. Лизогуб приходился зятем гетману И.И. Скоропадскому. С.Е. Лизогуб находился вместе с И.С. Мазепой при осмотре уничтоженного в начале октября 1708 г. российскими войсками Батурина. Тогда же в октябре С.Е. Лизогуб ушел к шведам вместе с гетманом И.С. Мазепой, причем А. Оглоблин указывает, что в гетманской свите помимо С.Е. Лизогуба мог находиться тогда и Андрей Горленко²⁶, другой фигурант нашей истории.

С.Е. Лизогуб вернулся в Россию летом 1709 г. после Полтавской битвы, но не был послан, «как другие только за свойство с гетманом (И.И. Скоропадским. — *Д.С., Н.Ш.*)»²⁷. 29 июля 1709 г. он был приведен к присяге на верную службу царю и вскоре выслан к своему тестю²⁸. Однако сколь-нибудь значительной карьеры С.Е. Лизогуб потом не сделал. Его родной брат Яков Ефимович, впоследствии генеральный обозный, «внук и сын приближенных к Ивану Мазепе Лизогубов, сумел избежать жестокой расправы над восставшими мазепинцами, поскольку в то время находился в составе Черниговского полка, который полностью контролировался российской армией»²⁹. Т.Г. Таирова-Яковлева, возможно, права, когда пишет, что полковники и казаки четырех полков, в том числе Черниговского, *не могли* присоединиться к И.С. Мазепе, потому что находились в расположении российских полков³⁰. За протесты против злоупотреблений со стороны Малороссийской коллегии в 1723–1724 г.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Я.Е. Лизогуб был арестован вместе с другими представителями казачьей старшины и заточен на несколько лет в Петропавловскую крепость вместе с миргородским полковником Д.П. Апостолом (тесть А.Д. Горленко) и генеральным есаулом В. Жураковским. Таким образом, есть основания говорить о сомнительной лояльности некоторых Лизогубов по отношению к российскому самодержавию в постмазепинский период истории Гетманщины.

В том же отношении примечательна фигура А.Д. Горленко, отец которого, прилуцкий полковник Дмитрий Лазаревич Горленко, принадлежал к ближайшему окружению гетмана И.С. Мазепы и являлся активным сторонником выхода Гетманщины из-под юрисдикции Москвы³¹. Без колебаний последовавший за И.С. Мазепой Д.Л. Горленко все-таки вернулся в 1714 г. в Россию и проживал в ссылке свои последние годы в Москве. Андрей Горленко находился в 1708 г. вместе с отцом, но в начале 1709 г. вместе с женой вернулся в Россию. В 1711 г. его заподозрили в сношениях с отцом. Канцлер Г.П. Головкин настоял на отправке А.Д. Горленко, тогда значкового войскового товарища, из Глухова в Москву³², где тот проживал в ссылке до 1715 г. Важно отметить, что при этом А.Д. Горленко *лишили владений*, некоторые из них достались представителям центральных российских властей³³. Таким образом, во время похода на Кавказе 1725 г. у обоих казаков — С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко — представители ближайших родственников и свойственников были наказаны российской властью, а некоторые из них еще продолжали пребывать в заключении или в ссылке по состоянию на 1725 г. Подобные факты, как и отобранные у А.Д. Горленко владения, могли послужить веским основанием для формирования у казаков недовольства властью при внешней демонстрации лояльности или даже верноподданнических чувств.

Основанием для ареста С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко на Дону летом 1725 г. послужил извет монаха Мигулинского Троицкого монастыря Серапиона, волею судеб встретившегося на их пути и обратившего внимание на крамольные слова казаков. Оригинал извета пока не обнаружен. Отправка С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко к бригадиру А. Ветеранию, как указывает в своем дневнике Я. Маркович, была связана с тем, что именно ему Серапион письменно «известил» на гетманских казаков в Царицыне³⁴. Это случилось в период между 29 июня и 22 июля 1725 г. Сначала в Царицын были доставлены казаки-гетманцы. Следствие было начато полковником Нарвского полка Д.Ф. Еропкиным. Согласно ведению от 13 ноября 1725 г., поступившему из Правительствующего Сената в Святейший Правительствующий Синод 15 ноября 1725 г., Серапион был доставлен в Санкт-Петербург от генерал-фельдмаршала М.М. Голицына 29 октября 1725 г. 12 ноября того же года в Сенате слушали выписки из допросов, а также из очных ставок «помянутых иеромонаха Серапиона и бунчуковых Лизогуба и Горленка»³⁵, случившихся, очевидно, уже в Санкт-Петербурге³⁶.

Содержание части следственных документов известно по копиям делопроизводственных материалов 1727 г. В частности, в них подробно представлена версия произошедшего в описании иеромонаха Серапиона. По его словам, 29 июня 1725 г. «гетманских полков наказный гетман, помянутой Лизогуб, прибыв с своими табары, стал Мигулинского монастыря близ мельницы по речке Тишанке»³⁷. Непонятно почему, но именно Серапион явился к казакам с просьбой, чтобы они «той мельнице обиды не учинили», после чего бунчуковый товарищ Андрей Горленко, «не допустя ево до гетманского намету, зазвал к себе в кибитку... и спрашивал его о вестях»³⁸. Иеромонах рассказал А.Д. Горленко, что «носится у них по речке, будто блис соли Маницкой, на копанях, стоит Бактыгирей с Некрасовым. И Горленко говорил, чтоб де к нам тот Бактыгирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было, но покуда де нам гетманцом разорятца; а как такие слова говорил, в те поры в кибитке у него, Горленка, никого не было»³⁹. После этого собеседники якобы

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

перешли под «намет» (шатер) к наказному гетману С.Е. Лизогубу, которому А.Д. Горленко передал «вести радостные», услышанное от иеромонаха. Наказный атаман, по словам иеромонаха Серапиона, в ответ на вторичный рассказ Серапиона о Бахты-Гирее и И. Некрасове, произнес: «Может де Бог слышанное повелит им и видеть»⁴⁰.

Здесь мы подходим к важному этапу в развитии всей последующей ситуации, связанной с *реакцией* иеромонаха на слова гетманских казаков, которые заставили его подумать, «что не хотят ли они с ними, Некрасовым и Бактыгиреем, соединитца»⁴¹. Рассудив таким образом, Серапион решил донести на казаков. Заслуживает внимания ход мыслей иеромонаха, который придал услышанному значению важной информации, «достойной» извета. По-своему оценив *информационный повод*, ставший толчком к написанию и подаче извета, Серапион рассуждал вполне логично. Дело в том, что кубанский султан Бахты-Гирей и казачий атаман И. Некрасов, хорошо известные жителям пограничных территорий и правящим дворам России, Крымского ханства и Османской империи, выступали в первой трети XVIII в. серьезным раздражающим фактором в политике центральных российских властей и ряда пограничных администраций. «Некрасовская угроза», исходившая с Кубани от казаков, возглавляемых И. Некрасовым, требовала от России поисков новых форм нейтрализации. Еще больше Россия теряла от многочисленных набегов на российские окраины, организованных «бешеным султаном» Бахты-Гиреем, которого неоднократно власти пытались и переманить на российскую службу, и убить⁴².

Решение Серапиона *донести* на гетманских казаков свидетельствует о понимании им «политического момента» и ожидаемой реакции со стороны властей. Поиски *мотива* к совершению доноса, очевидно, нужно искать в этой плоскости. Впрочем, изветчик мог также знать, что его ждет *награда*, практикуемая государством⁴³. Напротив, для организации *ложного* доноса на казаков, которых иеромонах *впервые* видел перед собой и которые не нанесли ущерба ни ему лично, ни монастырю, ни мельнице, оснований у него не было. О серьезности намерений Серапиона свидетельствует тот факт, что свой письменный извет он решил подать не войсковому или своему монастырскому начальству, а представителю российского военного командования в Царицыне. Иеромонах утверждал, что во время разговора в намете у С.Е. Лизогуба там «было много людей, все черкасы»⁴⁴, которые могли слышать его разговор с атаманом.

А.Д. Горленко не стал отрицать на допросе и во время очной ставки своего общения с Серапионом, но отмел обвинения в якобы сказанных им словах, столь взволновавших иеромонаха. А.Д. Горленко заявил, что Серапион, узнав о походе казаков на Сулак, почему-то сказал, что «на Царицын им итить криво, а надобно де итти мимо Манич, толко де там Кубанская орда стоит, Бактыгирей с Некрасовым, и он де ведает, что казацкие войска идут, а кубанского де войска тысяч с тритцать, а про казацкое слышно, что тритцать восем тысяч...»⁴⁵. Анализируемый источник интересен не только тем, что одновременно упоминает султана Бахты-Гирея и Игната Некрасова: такие свидетельства не часто, но встречаются в других источниках⁴⁶.

Обратим внимание на другую деталь: Серапион указал на предполагаемое место тогдашнего пребывания кубанского султана и атамана. Это были соляные копи («копани») на Маныче, которые издавна разрабатывались и привлекали к себе различные категории русского населения. Крымцы и ногайцы знали об этом и могли совершать туда набеги для захвата полона. Например, раньше так поступали по отношению к г. Торю (Соляному) на р. Торце (Торе) азовцы и первые кубанские казаки, где имелись богатейшие соляные озера, привлекавшие «большое собрание русских людей за солью»⁴⁷. Вот почему султан Бахты-Гирей и атаман Игнат Некрасов, по слухам, оказались замечены *именно* в

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

указанном районе. В рассмотрении с другими аналогичными данными сведения иеромонаха Серапиона могут быть использованы при изучении вопроса о традиционных занятиях некрасовских казаков на Кубани в 20-е годы XVIII в.

Допрошенный С.Е. Лизогуб тоже опроверг слова иеромонаха Серапиона, заявив, что «помянутой чернец пьян пришел к нему в намет» в день празднования святых Петра и Павла, «после обеда, перед вечернями»⁴⁸. Не желая слушать «скарденных песней» пьяного чернеца (пристрастие которого к горячительному позже подтвердила монастырская братия), атаман, по его словам, вышел из намета и отправился со всей компанией к Андрею Бурковскому, а «Горленко пошел в свой шатер, а он, чернец, вышел, куда пошел, не знает». Отрицая свой разговор с Серапионом, атаман в подтверждение сослался на казаков, с которыми он отмечал праздник в намете, — Андрея Бурковского, Василия Кочубея, Федора Сулима и Степана Терновского. Допрошенные бунчуковые товарищи В. Кочубей и Ф. Сулим заявили, что атаман не имел разговора с помянутым иеромонахом, которому оба они дали нелестную характеристику⁴⁹.

Наверняка неизвестно, на каком этапе розыска и почему именно чаша весов склонилась на сторону обвиняемых казаков. Вероятно, перелом ситуации случился уже во второй половине 1725 г. В ведении Правительствующего Сената от 29 марта 1727 г., адресованном в Святейший Правительствующий Синод, сказано, что «по вышеписанным обстоятельствам (эта фраза следует за пересказом речей всех допрошенных, о которых речь в статье выше. — *Д.С., Н.Ш.*) тот ево, старца Серапиона, извет явно изболтался лживой...»⁵⁰. Свою роль сыграли здесь не только показания украинских казаков, но и собранные из разных источников сведения о неблагоприятном поведении незадачливого изветчика. Обвиненный Серапионом атаман С.Е. Лизогуб показал, что когда «с Царицына провадил их под арестом офицер Кроншлотского полку з драгунами»⁵¹, то им снова довелось оказаться на Дону. Одна из остановок пришлось на местность неподалеку от Мигулинского Троицкого монастыря, куда Серапион испросил разрешения охраны написать письмо с просьбой о продуктах. Из монастыря приехал казначей Карион «з другим старцем», вручивший Серапиону просимые продукты и деньги.

Однако дальше произошло следующее: Карион объявил сопровождавшим арестантов офицерам, каптенармусу и С.Е. Лизогубу (!) многочисленные сведения о неблагоприятном поведении иеромонаха во время проживания в монастыре и даже раньше⁵². Доносительство, пьянство, самовольные отлучки из монастыря в донские станицы... Особенно показательны слова Кариона о том, что Серапион был прислан в их монастырь (из другого документа узнаем, что это случилось в 1721 г. — *Д.С., Н.Ш.*) «за плутовство такое, что доносил он на донских казаков некоторые притчины, а после в Москве, в Преображенску (Преображенском приказе. — *Д.С., Н.Ш.*), повинился, что с пьянства зболтал»⁵³. Таким образом, Серапион уже имел опыт ложного доносительства и понес за него наказание 13 ноября 1725 г. Сенат определил Синоду привлечь к освидетельствованию состояния Серапиона других монахов Мигулинского монастыря, «подлинно ли он Серапион такова состояния, как выше сего показано, и то свидетелство за руками их прислать в Сенат немедленно...»⁵⁴. Синод оперативно принял к руководству резолютивную часть сенатского ведения, и братия Мигулинского Троицкого монастыря во главе с игуменом, общей численностью 41 чел. (!), вскоре подтвердила все то, о чем Карион раньше публично поведал многочисленным свидетелям о неугомонном и непокорном Серапионе.

Мы полагаем, что Серапион, донося на казаков, правдиво отразил реакцию гетманцев на известие о Бахты-Гирее и И. Некрасове. Наше суждение основано на следующих косвенных доказательствах. *Во-первых*, мы не видим серьезного мотива для ложного

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

доноса, например из мести: встреча иеромонаха с казаками была случайной и, по сути, бесконфликтной: гетманцы не нанесли урона мельнице, а Серапион за свои якобы «скабрзные песни» наказан казаками не был. *Во-вторых*, не так давно изветчик понес наказание за ложный донос на донских казаков — попасться во второй раз с ложным изветом было делом большого риска. *В-третьих*, обратим внимание на место и на форму извета. Серапион мог донести на казаков игумену своего монастыря, однако проделал немалый путь и лично явился к представителю российского военного командования в Царицыне. *Явочная* форма извета, облеченная в *письменную* форму, свидетельствовала о значении, которое предал Серапион услышанному при встрече с казаками.

Какое значение могли придавать гетманские казаки известию Серапиона о Бахты-Гирее и И. Некрасове? *Во-первых*, гетманцы проявили информированность о людях, слава которых привлекала к ним новых сторонников, *нелояльных* к России. Известен эпизод 1709 г., когда 50 «агентов» И. Некрасова, действуя в Гетманщине, «возмущали и поговаривали» тамошних жителей уходить к И. Некрасову, находившемуся тогда на р. Берде⁵⁵. Безусловно, таких контактов было больше, и И. Некрасов со своими казаками вызывали к себе пристальный интерес украинского казачества. *Во-вторых*, в извете Серапиона отразилась *эмоциональная реакция* казаков на известие о «шалном султани» и «воровском атамани». Об этом говорит содержание фразы, сказанной А.Д. Горленко атамани, «что сей де чернец сказывает нам вести радостные...»⁵⁶. С.Е. Лизогуб и вовсе помянул и имя Божие, полагая возможной (желаемой?) встречу с *государевыми врагами*. Произносятся такие слова, казаки не могли не понимать потом, что рискуют быть обвиненными в *государственной измене*. Поэтому они упорно отрицали факт произнесения именно этих слов, двусмысленный характер которых и подвиг Серапиона на извет. *В-третьих*, ключом к пониманию описанной выше реакции казаков может служить другая фраза А.Д. Горленко о том, «чтоб де к нам тот Бахтыгирей с Некрасовым поближе пришли, *то бы де нам добре было, но покуда де нам гетманцом разорятца* (выделено нами. — Д.С., Н.Ш.)»⁵⁷. У Серапиона не должно было возникнуть проблем с передачей этого слова по-русски, поскольку по-украински оно звучит как «*розорятисся*». Одна из групп значений глагола в обоих языках практически одинакова: лишиться достатка, богатства, впасть в бедность, обнищать (*рус. яз.*); позбуватися багатства, достатку, майна; ставати бідним, убогим, впадати в злидні (*укр. яз.*)⁵⁸. Анализ фразы позволяет говорить о критическом отношении ее автора к положению гетманских казаков, резко выраженному в присутствии чужого человека.

Но как появление группировки Бахты-Гирея и И. Некрасова могло избавить казаков от разорения? Вероятно, это могло случиться в случае боевого столкновения обеих сторон, после чего поход казачьего войска на Кавказ мог и не состояться (задержаться?). Вот почему гетманцы были столь эмоциональны, конечно, не помышляя об объединении с Бахты-Гиреем и с И. Некрасовым. О последствиях возможного столкновения вскользь обмолвился сам А.Д. Горленко: «...коли Бог даст сойтитца, тогда увидимся и спробуемся. А ежели не сила наша будет, то и от Царицына мы, может, не пойдём»⁵⁹. А ведь из Царицына казаки должны были проследовать на Северо-Восточный Кавказ...

Итак, всем главным героям этой истории суждено было осенью 1725 г. вновь увидаться в Санкт-Петербурге. Изветчик Серапион, судя по сенатским документам, еще до того успел предстать в Ахтырке перед генералом-фельдмаршалом М.М. Голицыным, а уже оттуда был препровожден в столицу Российской империи. Поскольку пока обнаружены не все следственные материалы, трудно утверждать, были ли доставлены туда же, в Ахтырку, главные обвиняемые С.Е. Лизогуб и А.Д. Горленко. Возможно, так и было: перед отправкой в Санкт-Петербург их препроводили в Ахтырку. Однако судьба обвиняемых казаков

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

должна была решиться в Санкт-Петербурге; это при том, что отношения Гетманщины и российского самодержавия после смерти гетмана И.И. Скоропадского переживали не лучшие времена. Недавняя трагическая судьба П. Полуботка и его товарищей⁶⁰ явно не добавляла уверенности казакам в благополучном исходе дела. Дело тянулось медленно: новый 1726 год гетманцам довелось встречать в Санкт-Петербурге. В дневнике Я. Марковича находим запись за 16 ноября 1726 г., сообщающую о получении им письма от некоего «пана Михайлы», датированного 23 сентября 1726 г. В контексте извещенного дела на гетманских казаках большой интерес представляют сведения о том, что «полковник Миргородский, так же Семен Лизогуб и Андрей Горленко з С.П. Бурху в доми приехали»⁶¹. Данное свидетельство опровергает мнение некоторых исследователей о том, что после оправдания и освобождения, случившегося в конце правления Екатерины I, эти казаки-гетманцы смогли продолжить свою службу на Кавказе.

История с извещением не оказала существенного негативного влияния на последующую жизнь С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко. Первый из них, как бунчуковый товарищ Черниговского полка, ездил в августе 1727 г. в столицу с «благодарственными письмами от полков»⁶², когда на российский престол взошел уже Петр II. Подробности этой поездки находим у Я. Марковича. Запись дневника от 8 августа 1727 г. гласит, что С.Е. Лизогуб, «так же сотник сребранский Трощина и стародубский Галецкий поехали в С.П.-Бурху з чолобитними от полков, благодарственными до двору монаршого»⁶³. А дневниковая запись от 20 октября 1727 г. сообщает, что «послание наши Семен Лизогуб с товарищи принятия милостиво в С.П. Бурсе (sic! — Д.С., Н.Ш.) и сподобились Его Величеству персонально кланяться»⁶⁴. Умер Семен Ефимович Лизогуб во время Польского похода 1734 г. и похоронен в Гродно. Андрей Дмитриевич Горленко, приходившийся, как отмечалось, зятем Д.П. Апостолу, несколько поправил свои дела после получения тестем гетманской булавы в 1727 г. А.Д. Горленко были возвращены конфискованные ранее владения. Однако в 1735 г. он снова попал в царскую немилость и был отправлен с сыном в Санкт-Петербург, где пребывал несколько месяцев до своего освобождения⁶⁵. Снова отобранные у А.Д. Горленко владения были возвращены ему в 1742 г. императрицей Елизаветой Петровной. Умер Андрей Дмитриевич Горленко в 1756 г.

История с извещением Серапиона совсем не закончилась после освобождения казаков и отъезда их на Украину. Причем, если бы слова незадачливого извещенника не потеряли своего значения в связи с обрушившимися на него самого разоблачениями и если бы не твердость (круговая порука?) всех допрошенных казаков, история могла бы иметь иной финал. Окончательное решение о судьбе иеромонаха Серапиона было принято скорее всего в марте 1727 г. Резолютивная часть сенатского ведения от 29 марта 1727 г., адресованного в Синод, гласила: «...означенного иеромонаха Серапиона для учения за вышеписанное ево ложное доношение наказания и для ссылки, куда надлежит в далной монастырь, отослат в Святейший Синод, в котором монастыре содержать ево в заточении по смерть ево без выпуску...»⁶⁶. Из протокола Синода от 28 апреля 1727 г. узнаем, что Серапиона надлежало жестоко наказать плетью, после чего сослать под караулом в Кандалакшский монастырь Кольского острога Холмогорской епархии «по смерть ево, дабы никуда не ушел»⁶⁷. В случае «предерзостного» поведения Серапиона, его повелевалось «наказывать без всякия пощады». Соответствующий указ был отправлен из Синода епископу Устюжскому и Тотеевскому Лаврентию⁶⁸. Путь Серапиона в ссылку оказался более извилистым, в итоге он попал в Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь Архангельской губернии. Неумный характер «извещенника со стажем» сказался и здесь: Серапион бежал из монастыря 15 июля 1728 г. и, по состоянию на 16 августа 1728 г., найден не был⁶⁹. Дальнейшая судьба беглеца остается неизвестной...

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

В статье рассмотрен случай, отражающий определенные характеристики положения казачьей старшины Гетманщины, ее политического кругозора и сомнительной политической лояльности по отношению к самодержавию. Авторами сделан вывод о том, что иеромонах Серапион отразил в извете слова, действительно произнесенные С.Е. Лизогубом и А.Д. Горленко. Именно указанные в извете лица имели веские основания для того, чтобы «проговориться» в ситуации, спровоцированной встречей с Серапионом летом 1725 г. Иеромонах общался ведь с разными «черкасами», а донес только на этих двух казаков. Анализ их речей указывает не только на критическое отношение гетманцев к своему положению в походе, на их «странную» реакцию о пребывании на Дону *врагов* империи — кубанского султана Бахты-Гирея и *изменника* атамана И. Некрасова. Поведение казаков-гетманцев, вербализованное в их словах, можно включить в широкий социокультурный контекст, связанный с кризисом политической культуры казачьей элиты в 20-е годы XVIII в.

Период 1722–1727 г., от смерти гетмана И.И. Скоропадского до избрания гетманом Д.П. Апостола, занимает особое место в истории новых надежд и разочарований казачьей старшины Гетманщины. Старшина, по справедливому замечанию В. Пришляка, «стала определенным отражением всех тех отчасти кардинальных социальных сдвигов, которые происходили в украинском обществе на протяжении длительного времени (с середины XVII в. и до конца XVIII в.), пока казачья автономия почти окончательно не растворилась в российском имперском пространстве»⁷⁰. Случай 1725 г., повлекший за собой арест и следствие над С.Е. Лизогубом и А.Д. Горленко, представляется содержательным и важным для комплексного изучения политических практик казачьей старшины в такой насыщенный событиями период ограничения автономии Гетманщины, как 20-е годы XVIII в.

¹ Грибовский В.В., Сень Д.В.: 1) Бахты-Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII века // *Wschodni Rocznik Humanistyczny. Lublin-Radzyń Podlaski*. 2012. Т. VIII. S. 85–116; 2) Кубанский султан Бахты-Гирей : феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012 : политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 92–137; *Сень Д.В.*: 1) «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» : исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2002. 286 с.; 2) Казаки-некрасовцы в Крымском ханстве : актуальные вопросы изучения // *Казаки-некрасовцы : язык, история, культура*. Сб. науч. статей. Ростов н/Д., 2012. С. 226–243; 3) Некрасов Игнат // *Энциклопедия кубанского казачества*. Краснодар, 2013. С. 304–305.

² *Таирова-Яковлева Т.Г.*: 1) Иван Мазепа и Российская империя : История «предательства». М., 2011. 532 с.; 2) Письмо в редакцию // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 116–119; *Бесов А.Г.* Мазепа Т.Г. Таировой-Яковлевой // *Фонд стратегической культуры* [сайт]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/07/28/mazepiana-tg-tairovoj-jakovlevoj-4123.html> (дата обращения: 24.03.2015);

Лазарев Я.А. «Ласковый телок двух маток сосет» : к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII в. // ИВ. М., 2013. Т. IV [151]. С. 206–219; *Чухліб Т.* Секрети українського полівассалітету : Хмельницький – Дорошенко – Мазепа. Київ, 2011. 327 с.; *Горбещь В.* Присмерк Гетьманщини : Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998. 326 с.

³ *Лазарев Я.А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга» : к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 408–432.

⁴ *Павленко С.О.* Оточення гетьмана Мазепи : соратники та прибічники. Київ, 2005. С. 91.

⁵ *Мининкова Л.В.* «Наивный вопрос простака-дворянина», «бедные ослики» и крах проектов ограничения самодержавия 1730 г. // *Cogito*. Альманах истории идей. Ростов н/Д., 2011. Вып. 5. С. 26–43.

⁶ *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут : политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 11.

⁷ *Лазаревский А.М.* Люди старой Малороссии : I. Лизогубы // *Киевская старина*. 1882. Янв. С. 101–125.

⁸ *Павленко С.О.* Оточення гетьмана Мазепи. С. 97.

- ⁹ Літопис Самовидця. Додатки. Краткое описание Малороссии // Изборник [сайт]: URL: <http://litopys.org.ua/index.html> (дата обращения: 11.01.2015).
- ¹⁰ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. Часть третья : От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. М., 1830. С. 166.
- ¹¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. 5 (1725 г.). СПб., 1897. Стб. 579–584.
- ¹² Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украины малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 57.
- ¹³ Там же. С. VIII.
- ¹⁴ Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генеральнаго Якова Марковича. М., 1859. С. 91–92.
- ¹⁵ Дневник генеральнаго подскарбия Якова Марковича // Киевская старина. 1892. № 8. С. 266.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 135–160.
- ¹⁸ Там же. С. 143.
- ¹⁹ *Дубровський В.В.* Про Гилянський похід 1725 року // *Кочубей Ю.М.* В.В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. Київ, 2011. С. 67.
- ²⁰ Дневник генеральнаго подскарбия Якова Марковича ... С. 266.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Українська держава другої половини XVII–XVIII ст. : політика, суспільство, культура. Київ, 2014. С. 181.
- ²⁶ *Оглоблин О.П.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Вид. 3-є. Нью-Йорк ; Київ-Львів ; Острог ; Торонто, 2003. С. 316.
- ²⁷ *Кривошея В.В.* Козацька старшина Гетьманщини. Київ, 2010. С. 471.
- ²⁸ *Кочегаров К.А.* «Не замай, король шведский пропадет и загинет...» : к вопросу о судьбе канцеляриста Якова Гречаного, бежавшего из ставки И.С. Мазепы в день Полтавской битвы // Славяноведение. 2014. № 6. С. 57.
- ²⁹ Українська держава другої половини XVII–XVIII ст. С. 181.
- ³⁰ *Тацрова-Яковлева Т.Г.* Іван Мазепа ... С. 214.
- ³¹ *Павленко С.О.* Указ. соч. С. 44–45.
- ³² *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий. Горленки // РА. 1875. Кн. 2. № 7. С. 252.
- ³³ *Павленко С.О.* Указ. соч. С. 46 ; *Кривошея В.В.* Указ. соч. С. 290.
- ³⁴ РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 6. Д. 359. Л. 2.
- ³⁵ Там же. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Л. 39.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 39 об.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей. С. 92–137.
- ⁴³ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 165–166.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39 об.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 1 об ; Там же. Ф. 111 (Донские дела). Кн. 23. Л. 416, 888.
- ⁴⁷ *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства : начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010 : Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 309.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 40.
- ⁴⁹ Там же. Л. 40 об. – 41.
- ⁵⁰ Там же. Л. 41.
- ⁵¹ Там же. Л. 1.
- ⁵² Там же. Л. 1 об.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Сень Д.В.* Русско-турецкая война 1710–1711 гг. и начальный период жизни казаков-некрасовцев на Кубани // Січеславський альманах : Зб. наук. прац з історії українського козацтва. Дніпропетровськ, 2011. Вип. 6. С. 18.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39–39 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 39.
- ⁵⁸ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 652 ; Большой академический словарь русского языка. М., 2013. Т. 22. С. 483 ; Словник української мови: в 11 томах. Т. 8 : Природа – Ряхтливий / ред. В.О. Винник [та ін.]. Київ, 1977. С. 754.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39 об. – 40.
- ⁶⁰ *Смолий В.А., Степанков В.С.* Згасання державної ідеї // Історія українського козацтва : Нариси у 2 т. Київ, 2006. Т. 1. С. 277–278.
- ⁶¹ Дневник генеральнаго подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). Часть вторая : (1726–1729 гг.). Киев, 1895. С. 101.
- ⁶² *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 102.
- ⁶³ Дневник генеральнаго подскарбия ... С. 165.
- ⁶⁴ Там же. С. 185.
- ⁶⁵ *Павленко С.* Указ. соч. С. 46.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 41.
- ⁶⁷ Там же. Л. 42.
- ⁶⁸ Там же. Л. 45 об. – 46 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 57 об.
- ⁷⁰ Українська держава другої половини XVII–XVIII ст. С. 159.